

Содержание

Однажды... . . .	9
1. Сочинительница . . .	19
2. Сорочье гнездо . . .	31
3. Черная кошка . . .	44
4. Музей неоконченных историй . . .	59
5. Другая Элис . . .	75
6. Подобия . . .	88
7. Третья глава . . .	112
8. Мелодия . . .	132
9. Флейтист . . .	138
10. Ошибка . . .	153
11. Элис в Зазеркалье . . .	167
12. Творческий тупик . . .	186
13. Пряничные домики . . .	201
14. «Вдалеке» . . .	215
15. По следу из хлебных крошек . . .	224
16. Бумажные люди . . .	237
17. Немая и Подкидыш . . .	252

18. Знак на удачу . . .	274
19. Рожденные историей . . .	294
20. Домушники . . .	316
21. Девять жизней . . .	336
22. Перебежчица . . .	357
23. Хозяин кошки . . .	369
Долго и счастливо... . . .	392

*Джулии, которая любит истории, и всем,
кому когда-нибудь хотелось, чтобы герои
книг стали реальными*

Однажды...

Элис Сильвер никогда раньше не встречала убийц, но в тот день это случилось.

Дороти Граймс прошла мимо окон любимой кофейни Элис.

Элис сидела за самым маленьким столиком, нервно проглядывая открытую тетрадь, лежащую на столе рядом с чашкой. Кофе остыл, потому что Элис забыла его выпить.

Она переворачивала страницы. Слова плыли перед глазами, слова, написанные ею недели, месяцы назад и тысячу раз перечитанные. Элис уже не понимала, есть ли в них теперь смысл.

Она устала. У нее болела голова, болела шея, даже глаза болели. Раздраженная, она вернулась к началу тетради. Текста здесь было не так много: в основном таблицы и схемы, и еще вырезки из журналов и газет — фото-

графии, заметки. Одна статья, какое-то время назад отклеившаяся, выскользнула на стол. Элис взяла ее и бегло взглянула на заголовок, который знала наизусть:

«МОЛОДОЙ УБИЙЦА ПРИГОВОРЕН
К ПОЖИЗНЕННОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ»

Статье было больше двух лет, но Элис помнила все подробности. Они глубоко потрясли ее, как и каждого в стране. Нелегко забыть о том, что кто-то ее возраста — всего-навсего шестнадцатилетний — мог убить пятерых такими ужасными способами. К тому же характер преступлений запутывал расследование. Большинство убийц каждый раз действуют по схожему сценарию. Здесь все было иначе. Одна жертва задушена, другая забита до смерти дубинкой, третья зарезана, четвертая утоплена, пятая погибла в пожаре — в подожженном доме.

На обороте газетной вырезки сохранилась часть заметки о девочке-подростке, награжденной в конкурсе за свой дневник, который она вела в течение года. Элис вспомнила, как держала вырезку на свету, позволяя тексту на другой стороне тонкой бумаги просвечивать. Как слова из двух разных статей слились в «дневник убийств».

Дневник убийств.

Так ей и пришлось в голову соединить обе статьи и ввести в историю, над которой она рабо-

тала, шокирующего персонажа: девушку-убийцу, описывающую как вымысел свои преступления на бумаге.

Элис поежилась. Иногда удачные идеи возникали случайно — как эта. Кое-что поменять тут и там, новое имя, немного отличающиеся способы убийства. Придумать все это было удивительно легко. Элис не в первый раз спросила себя: нет ли в ней самой затаенного зла, ведь получается придумывать такие ужасные вещи; но все же пришла к выводу, что книжные злодеи всегда плод чьего-то воображения. И, в сущности, какой толк от злодеев, если они не страшные?

Элис отложила вырезку, закрыла глаза и потерла виски. Слова проплывали в темноте под ее веками. Даже так от них было не избавиться. Они окружили ее, заточили в свою тюрьму, откуда освободить могли только другие слова, еще больше слов. *Правильных*. Проблема была в том, что она их не находила. Она зашла в тупик и понятия не имела, как закончить историю. И теперь ее тревожило, что произойдет, если этого не сделать. Не только из-за того, что пропадет впустую ее труд, но из-за того, что может случиться с ней самой.

Уже несколько месяцев Элис уговаривала себя, что происходившее в прошлый раз не было реальным. Ей все померещилось, виной тому недосыпание, стресс. Но, что бы там ни было, в последние дни все началось снова. Чьи-то

тени, какое-то движение, едва уловимое краем глаза. Шаги за ее спиной на пустой улице. Шепот.

Она боялась.

Медленно выдохнув, она открыла глаза. Кофейня находилась в книжном магазине, на втором этаже. Чаще всего Элис писала дома, но сегодня подумала, что смена обстановки даст словам возможность потечь свободно. Не вышло. Скорее наоборот, ее окружало столько чужих историй — и все завершённые, что это походило на пытку. Книжки вокруг не вдохновляли, напротив, чудилось, что они смеются над ней. Элис повернулась к окну и придвинулась к нему еще ближе. Она смотрела на людей, идущих внизу по улице и не подозревающих, что за ними наблюдают. Острый зимний холодок проникал сквозь стекло и пощипывал ей лицо.

А потом Элис охватил озноб: она заметила худощавую фигуру, остановившуюся у витрины магазина через дорогу.

Этого не может быть, этого не может быть, этого не может быть...

Слова бились в голове Элис под тошнотворные удары отчаянно прыгающего сердца. Она вскочила, даже не осознавая, что делает, и нечаянно толкнула стол. Нетронутый кофе выплеснулся из чашки, забрызгав тетрадь и газетную вырезку. Она прижала ладони к стеклу, не замечая, как кофе стекает со стола, капает на пол и на ее ботинки.

Элис схватила тетрадь и отшатнулась от окна. Газетная вырезка упала на пол, но она не обратила внимания ни на нее, ни на удивленные взгляды других посетителей.

— Только не это, — прошептала она, слова застревали в горле, — пожалуйста, только не это!

Но все равно нужно было убедиться. Спотыкаясь, Элис выбралась из кофейни и кинулась к лестнице. Несколько мгновений, и она уже выбежала из книжного магазина. Ее прерывистое дыхание облачками пара растворялось в морозном воздухе.

Девушка исчезла. Элис оглядывалась по сторонам. Неужели привиделось? Может быть, она задремала? Ведь она уже так давно не спала нормально...

Вот же. Вот мелькнула спина, скрываясь за углом. Элис устремилась вслед. Ее колотило от холодного ветра так, что зубы стучали. Только сейчас она спохватилась, что оставила пальто в кофейне, но вернуться за ним — значит упустить ту, кого ищет. Элис догнала девушку и, поравнявшись с ней, взглянула в лицо.

Ветер унес тихий вскрик, который сорвался с губ Элис.

Это была *она*.

Она изменила внешность после того, как покинула больницу. Тусклых каштановых волос, висевших дряблыми крысиными хвостиками, больше не было, как не было и неказистого больничного халатика, в котором она выглядела

юной и беспомощной. Для всех она стала почти неузнаваема... только не для Элис.

Элис оступилась, столкнувшись с каким-то прохожим, но, потрясенная и охваченная ужасом, совсем не отреагировала на брошенную в ее сторону резкость. Она не раз читала в книгах, как у человека стынет кровь в жилах, но сейчас ощутила это на себе: тепло ушло из коченеющих ног и ледяной холод прокатился волной по телу.

«Что она делает здесь? — подумала Элис. — Она знает? Она уже ищет меня?»

И, будто бы Элис притягивала ее, как магнит, девушка повернулась и пристально посмотрела на нее. На ее лице отразилось любопытство, но никакого намека на то, что она знает, какая между ними связь. Хотя, когда Элис застыла на месте, что-то блеснуло в глазах девушки.

Что-то недоброе. И настороженность.

«Она видит, что я боюсь ее, — подумала Элис. — И ей это нравится».

Дороти Граймс медленно двинулась к ней. Губы ее изогнулись в легкой улыбке. Улыбка стала шире, когда Элис, сама того не заметив, попятилась — и наконец уперлась в стену.

Дороти остановилась — слишком близко. Так близко, что Элис ощущала ее дыхание. От этого ее замутило.

— Мы встречались? — спросила Дороти. Ее голос звучал мягко, но ничего доброго в нем не было. Такой мягкой может быть подушка, которая душит тебя.

— Н-нет... не лично... — едва слышно ответила Элис.

— Но ты знаешь, кто я, не так ли?

— Да, — прошептала Элис. — Я знаю, кто ты.

— И тебе известно, что я сделала.

От нахлынувшей дурноты Элис пошатнулась и с трудом удержалась на ногах, пытаясь прогнать проносящиеся в голове жуткие видения. Дороти, чиркающая спичкой, сжимающая чье-то горло, соскребающая со щек чужую запекшуюся кровь. Да, Элис точно знала, на что она способна.

— Ты читала обо мне в новостях? — Дороти понизила голос. — Обо всех нехороших вещах, которые я совершала?

Элис слабо покачала головой:

— Не совсем так.

— Тогда откуда ты меня знаешь?

— Я знаю... я знаю о тебе все, — прошептала Элис.

Дороти закатила глаза:

— О нет, и ты туда же. Скольких докторов, несущих этот вздор, мне приходилось слушать! «Мы знаем все о тебе, Дороти, — передразнила она. — Ты, должно быть, пережила какую-то травму, Дороти. Мы хотим, чтобы ты вела дневник снов, Дороти, Дороти, *Дороти*». — Она явно заводилась, ее глаза стекленели. — Повторяют мое имя снова и снова, чтобы заставить меня думать, что они мне друзья.

— Я знаю, — сказала Элис.

— О, *знаешь*, правда? — Глаза Дороти блеснули.

— Я же сказала. Я знаю о тебе все. — Элис прислонилась к стене, колени дрожали. Хотелось убежать, но она будто увязла в одном из тех снов, где любое движение превращается в замедленный кадр. — Как... как ты попала сюда?

Дороти рассмеялась.

— Ну, раз ты не знаешь этого, ты знаешь обо мне не все, так ведь? — процедила она. — Я следила кое за кем. Кое-кто взял мою вещь, и я хочу ее вернуть.

— Рамблбрук, — пробормотала Элис.

Улыбка исчезла с лица Дороти.

— Откуда ты знаешь? — Она наклонилась к самому лицу Элис. — Тебе лучше начать говорить.

И Элис объяснила.

Несколько секунд Дороти пристально смотрела на нее, а затем разразилась смехом.

— О, это хорошо, — поаплодировала она. — Bravo! Даже я не смогла бы такое придумать, а ведь мои сюжеты весьма... закручены. — Все еще усмехаясь, она покачала головой: — Ты действительно в это веришь, правда?

— Нет... Я *знаю* это.

Дороти тихо присвистнула:

— И еще говорят, что я сумасшедшая. Девочка, ты спятила. У тебя просто кукушка поехала! — Она удовлетворенно хмыкнула: — Можно не беспокоиться, что ты кому-нибудь обо мне расскажешь. Никто не поверит такой чокнутой.

Ее лицо придвинулось еще ближе, и тут Элис очнулась, как будто с нее спал морок. Она размахнулась и тетрадью ударила Дороти по щеке.

— Прочь от меня! Держись подальше!.. *Возвращайся откуда пришла!* — пронзительно, с отчаянием выкрикнула она. И ударила снова, но не попала, потому что Дороти увернулась. Тетрадь вылетела у Элис из рук и глухо шлепнулась на тротуар.

Она бросилась к тетради одновременно с хихикающей Дороти. Дороти успела первой, и ее взгляд впился в открытые страницы. Преодолевая панику, задыхаясь, Элис выхватила тетрадь.

И без единого слова ринулась прочь, чуть не столкнувшись с черной кошкой, когда сворачивала в переулок. Дыхание прерывалось рыданиями, сжимающими горло, но Элис мчалась дальше. Ее не оставляло чувство, что Дороти Граймс все еще следит за ней, однако, обернувшись, она заметила только нескольких удивленно глядевших прохожих.

Так и не останавливаясь, Элис бежала и бежала, пока не влетела домой, не захлопнула за собой входную дверь и не заперла ее. В зеркале, висевшем в прихожей, она увидела свое отражение: спутанные волосы прилипли к щекам, мокрым от соплей и слез. Мертвенно-серое лицо. Но хуже всего — глаза, дикие, затравленные. *Безумные.* Неудивительно, после того, с чем она сейчас столкнулась.

— Это невозможно, это *не*... — жаловалась она пустому дому. Ее дрожащий голос нарушал тишину, как неподходящий кусочек пазла нарушает всю картину.

Она опустилась на пол и съежилась, прислонившись к двери. Дороти Граймс сумасшедшая — Элис знала это лучше, чем кто бы то ни было. Но тогда что это говорит о *ней самой*?

Может, Дороти права?

Может, Элис еще безумнее, чем она?

1

Сочинительница

Каждый день сотни людей садятся и начинают писать истории. Некоторые из этих историй печатают, переводят и продают в книжных магазинах по всему миру. Другие обрываются на первой главе или даже на первой фразе, прежде чем их забросят. Иногда история пишется отрывочно и сумбурно, и автор бьется над ней, пока, отчаявшись, не запихивает свое творение под кровать или в стол, где оно и лежит, забытое на месяцы или годы, а то и навсегда. Хотя не исключено, что оно могло бы повествовать о таких чудесных приключениях, о каких никому и никогда не доводилось читать.

Но что происходит, если *по-настоящему* магическая история остается незаконченной?

Это рассказ об одной из подобных историй. Она началась очень давно, когда мне было один-

надцать и все звали меня Мидж. В те времена, когда я страшно волновался, примут ли меня в футбольную команду, и когда едва ли не больше всего на свете любил слушать новые истории, сочиненные моей старшей сестрой Элис.

У Элис был поразительный талант придумывать и писать. Но еще странное и непоколебимое убеждение: каждая начатая история должна быть закончена. Она говорила, что незаконченная история — это ужасно, это не воплотившиеся надежды, это непрожитая жизнь всех персонажей. В общем, любую историю, которую Элис начинала, пусть даже ерундовую, она дописывала, и не важно, если конец получался слабоват. У всех ее историй обязательно был конец.

До тех пор, пока одна из них не осталась незавершенной.

Моя сестра исчезла в пятницу в феврале, когда школа закрывалась на каникулы. Вообще-то ничего особенного тут не было, вот только на этот раз все случилось накануне Призыва. По дороге из школы я рассматривал Подобия — маленькие куклы из соломы или ткани, сделанные так, чтобы они на кого-то походили. Нескольких я заметил еще утром, но за день в окнах и на порогах домов их стало гораздо больше.

Я остановился поглядеть на Подобие, прислоненное к цветочной кадке в одном из дворов. Меня всегда это изумляло: каждый год все в городе делали кукол и выставляли их напоказ.

— Не более странно, чем одну ночь в году, на Хэллоуин, наряжаться призраками, вампирами и ведьмами, — объясняла Элис.

— Но так-то делают много где, — говорил я. — А Призыв только здесь, в Скрипичной Лощине.

— И в других городах есть странные традиции, — отвечала Элис. — Хотя обычно это что-то вроде фестивалей сыра или хороводов вокруг майского дерева, а не такая жуть, как у нас.

Да, я не мог не согласиться с тем, что Призыв довольно жуткий обычай. Единственная ночь в году, когда кого-то — живого или мертвого — можно вызвать с помощью его Подобия. Говорили, что, если тот, кто смастерил Подобие, хочет встречи очень сильно и Подобие выйдет действительно хорошим, все сработает и можно будет задать вызванному вопрос. Только один. А потом этого человека никогда больше вызвать нельзя.

Конечно, никто сам не знал никого из успешно Призвавших. Хотя все слышали рассказы о том, что это якобы удалось сыну троюродного брата чьего-то дяди.

Вечером на рыночной площади разводили огромный костер, на котором сжигались все Подобия. Многие приходили только ради этого зрелища, даже если сами не делали куклу. К тому же с лотков на площади продавали поджаренный зефир и каленые орехи, горячий шоколад и подогретый яблочный сок с пряностями.

Каждый год я играл в игру — пытался понять, кого изображают куклы. Некоторые (вроде тех,

что создавала дама, работавшая в магазине «Все для вязания») были великолепны, но я не мог угадать, чьи это Подобия. Другие, каких, например, делал Томми Паркер из моего класса, выглядели и вовсе не по-людски, зато их можно было опознать по футбольной форме, по майке с номером его любимого игрока. Еще были трогательные: серая войлочная собака по кличке Фенчёрч, которая пропала больше года назад; неприятные: Джек-потрошитель, изготовленный мистером Шервудом — учителем истории, который все свое свободное время строил теории в попытках раскрыть личность убийцы.

Я дошел до белых ворот коттеджа, стоявшего в стороне от дороги. Рядом с цветочным горшком притулилась маленькая соломенная фигурка. Из тех, что навевают печаль: старик, живший в коттедже, каждый год мастерил одинаковых маленьких куколок.

Фигурка светловолосого мальчика в очках. На нем всегда была одинаковая одежда и одни и те же маленькие старомодные очки, только лицо с каждым годом становилось все менее отчетливым, потому что зрение старика ухудшалось.

Никто толком не разговаривал со стариком, а потому не известно было, кто этот мальчик. Некоторые рассказывали, что это его сын, которого увезла жена и которого он больше не видел; другие утверждали, что ребенок умер; а однажды я услышал ужасную историю о том,

что старик ехал на машине и сбил насмерть незнакомого мальчика. Куча версий, и все безрадостные... все, кроме одной.

Элис считала, что здесь кроется другое: старик раньше путешествовал во времени и теперь хочет использовать Подобие, чтобы поговорить с самим собой — с мальчиком, каким был в прошлом. Расспросить его о том, что давно забыл. У Элис все оборачивалось историей, и как раз в такую мне хотелось верить.

Я пошел дальше, срывая листья с живой изгороди и решая, делать ли Подобие или нет. Обычно этим занималась Элис, но она, в отличие от меня, была человеком творческим.

К тому времени, как я добрался до Кукушкина переулка, где мы жили, уже стемнело и тонкий ломтик луны повис над маленьким магазинчиком на углу. До нашего дома под номером 35 оставалось всего ничего. С улицы, если посмотреть на фасад, этот старый дом выглядел совсем маленьким, но внутри, протяженный в длину гораздо больше, чем в ширину, оказывался неожиданно просторным. Когда я вошел, меня окутало теплом, а из кухни доносился запах чего-то вкусного.

Я повесил ключи на крючок в прихожей и вошел в гостиную, где пылал камин. Сбоку от него стояли ведро с углем и корзина с поленьями, а прямо перед камином, растянувшись на коврике, спала наша кошка Твич; ее черная шерсть поблескивала в отсветах огня. Я поднес

замерзшие пальцы к теплу. Из кухни слышалось, как кто-то мурлычет песенку. Это тихо напевала Элис, помешивающая что-то в большой кастрюле на плите.

— Что у нас на ужин? — Я глубоко втянул носом аппетитный запах, и живот забурчал от голода. Перестав мурлыкать, Элис с улыбкой повернулась ко мне.

— Тушеное мясо. — Она накрыла кастрюлю крышкой и сунула две тарелки в плиту, чтобы согреть. — Перестань нюхать, весь запах украдешь.

Я ухмыльнулся. Элис всегда дурачилась в таком духе, больше чтобы посмешить меня, а заодно и себя, но еще, думаю, она просто не могла иначе. Сестра видела волшебство во всем: пятна от чая из чашки оказывались следами эльфов, садовые статуи — заколдованными людьми и животными, превращенными в камень. Сочинительство было у нее в крови. А кровь у меня и сестры отличалась. У нас были разные отцы. Ее отец бросил их с нашей мамой, когда Элис исполнилось три года. За прошедшие тринадцать лет она видела его всего несколько раз.

Глядя, как Элис накрывает на стол, я заметил пластырь у нее на пальце:

— Что случилось?

— Хм? О, это. Мой палец решил, что хочет быть морковкой, и ринулся наперерез ножу.

— Вечно ты дурачишься, — приснул я. Но тут увидел, что стол накрыт только на двоих.

— А мама сегодня не ужинает с нами? — Мой голос жалобно дрогнул.

Элис положила ложки и вилки на стол и принялась нарезать хлеб.

— Она собиралась, но позвонила и сказала, что задержится допоздна.

— Опять?

— Кто-то заболел, а у мамы скоро книжная ярмарка. Она завалена работой.

— Она всегда завалена работой, — мрачно сказал я и сел на свое место.

Я так ждал этого вечера! Последнее время мама приходила поздно. Она работала в отделе авторских прав в крупном издательстве, то есть продавала книги во множество разных стран. Мы не сидели за столом вместе уже больше недели. И больше недели у меня не получалось поговорить с ней даже утром перед школой, когда мы в спешке наглаживали форму и быстро глотали хлопья из миски. Папу мы тоже почти не видели. Он работал на нефтепромысле, на буровой, и иногда не приезжал домой месяцами. Весной Элис окончила школу и взяла на себя почти всю готовку и домашние заботы. Она была для меня не просто сестрой, она была мне как вторая мать.

— Это не навсегда, — сказала Элис. — Все устаканится после книжной ярмарки.

Она разложила плавающее в подливке тушеное мясо и клецки по тарелкам, и я принялся жадно уплетать, но сама Элис только рассеянно

клевала. Когда мы сменили тему и заговорили о Призыве, я рассказал о Подобиях, которые видел по дороге домой. Элис отложила ложку и перестала есть совсем, только слушала. Мы вспомнили старика и его куклу-мальчика, глаза Элис затуманились, и я подумал, не напишет ли она историю о старике, мастерившем Подобие, чтобы побеседовать с самим собой в детстве. Придумывая своих персонажей, она часто брала за основу людей из реальной жизни, если что-то в них казалось ей интересным.

— Ты в этом году будешь делать куклу? — спросил я.

— Подобие? — Элис неопределенно покачала головой. — Мне нужно заняться другими делами.

Я почувствовал облегчение пополам с разочарованием. Облегчение, потому что, раз Элис не станет это делать, значит, и мне необязательно. И разочарование — потому что она всегда выбирала кого-то интересного, например своих любимых писателей или даже действующих лиц из их книг. Как-то ее учитель дал задание, посвященное этой традиции, и раскритиковал Элис перед всем классом за то, что она для своего Подобия выбрала книжного героя. Элис ответила: «Книжные герои для меня реальны».

Мне нравилось это в ней.

Позже мы ели рисовый пудинг перед камином. Около девяти Элис вышла во двор, чтобы принести еще угля, холодный воздух проник

через заднюю дверь, и меня зазнобило, когда его ледяные пальцы дотянулись до моей шеи. Элис поворошила кочергой в камине, подбросила угля и устроилась в кресле.

Я отложил домашнее задание по математике и зевнул. Элис не так строго, как мама, следила, вовремя ли я иду спать, главным образом потому, что частенько не замечала, который уже час.

Я прилег на ковре рядом с Твич и наблюдал за сестрой. Она сидела, поджав ноги, на коленях — открытая тетрадь, в длинных тонких пальцах — любимая ручка. Ее рука застыла, Элис смотрела на огонь, хотя я догадывался, что на самом деле она его сейчас и не видит. Я знал, что лучше не спрашивать, о чем она думает. Мою, обычно спокойную, сестру мало что могло вывести из себя, но, когда она витала в своих фантазиях, прерывать ее было нельзя. Фантазируя, она сочиняла истории и от любого вмешательства теряла нить мысли.

Судя по тому, как она покусывала верхнюю губу, с историей что-то не ладилось. Раз или два Элис принималась писать, но выдирала страницы и бросала их в огонь. Потом вдруг схватила ручку и начала стремительно, безостановочно строчить. Сделав паузу, снова стала напевать странную мелодию, ту самую, которую я слышал, когда она готовила ужин. Время от времени она что-то вычеркивала, но продолжала писать, пока не закончила страницу. Проглядела написанное с легкой улыбкой. Поэтому я уди-

вился, когда она снова вырвала лист, смяла в комок и, как и раньше, кинула в огонь. Скомканная бумага стукнулась о заднюю стенку, пониже дымохода, отскочила и выпала перед камином. Элис наклонилась, чтобы поднять, но отвлеклась на звук: по телевизору начались девятичасовые новости.

Она захлопнула тетрадь.

— Я и не думала, что уже так поздно. Иди-ка прими ванну. Тебе пора в постель. — Элис поднялась, закрыла заслонку в камине и пошла на кухню ставить чайник. Ее настроение поменялось — она снова выглядела обеспокоенной.

Вместо того чтобы подняться наверх, я пошел за сестрой и остановился в дверях кухни. Плитка на полу холодила ноги даже через носки. Элис была босиком, но то ли не мерзла, то ли просто не замечала этого. В руке она держала пакетик с чаем, но даже не поднесла его к чашке, похоже, погрузившись в свои мысли.

— Все в порядке? — спросил я. — Ты почти не ела за ужином.

— Мне не очень хотелось. Когда сам готовишь, есть не так вкусно.

— А что ты писала? — Я переступал с ноги на ногу, чтобы пальцы не сводило судорогой.

— Просто историю, — тихо сказала Элис.

— Почитаешь мне?

Она покачала головой:

— Еще не готово. Никому, кроме меня, пока не понять, в чем там дело.

— А о чем она?

— Секрет. — Элис наконец опустила чайный пакетик в чашку. — Это вертелось у меня в голове месяцами. А теперь я... ну, застопорилась. Не могу придумать, как все будет разворачиваться дальше и чем закончится. — Она вздохнула и пробормотала: — Может, вообще никак...

— Тогда придется сочинить какой-нибудь несерьезный финал, как ты умеешь, — сказал я. — У каждой истории должен быть конец, правильно?

— Правильно. — Элис чуть заметно улыбнулась. — Но несерьезный не подойдет. Эта история другая...

Я посмотрел на тетрадь, торчащую из ее кармана.

— А что ты еще пишешь? Какие-нибудь детективные рассказы?

— Только эту историю, — ответила она. — Больше ничего.

— Ничего, даже совсем крошечного?

— Ничего, даже с бобовое зернышко.

— Бобовые зернышки нельзя недооценивать, ты же знаешь, — сказал я. — Взять хотя бы то, что случилось с Джеком и бобовым стеблем.

— Ты прав. Но у меня кончились бобы — и волшебные, и печеные, и вообще любые. — Элис потерла лоб. — Эта история... она отнимает у меня все. Все полностью.

В ее взгляде было что-то непривычное. Она и раньше сталкивалась с трудностями, когда

писала, но нынешним вечером имела в виду другое. Только однажды я видел сестру такой.

Прошлым летом.

Никто, кроме нее, не знал, о чем была та история, и она поклялась, что никто никогда и не узнает. Она уничтожила все, не закончив. Но прежде сказала мне кое-что, и я очень испугался, потому что видел: сама Элис в ужасе.

Чайник забурлил. Она налила кипяток в чашку с пакетиком:

— Если бы историю было так же легко приготовить, как чай...

— У тебя все получится, — сказал я. — У тебя всегда получается.

— Не всегда.

Мы взглянули друг на друга и неловко замолчали. Я догадался, что она тоже думает о прошлом лете. О незаконченной истории... и о том, что мне рассказала.

Элис вернулась в гостиную. Я пошел следом, и мы бок о бок сели у камина, ничего не говоря. Она отхлебнула чай, поставила чашку на камин и уткнулась взглядом в огонь. Я понимал, что она обдумывает сюжетные линии, размышляет о персонажах. К чашке она больше не притронулась, и я не напоминал. Хотя с самого начала знал, что чай остынет, пока она о нем вспомнит.

А еще я знал, что эта история — о чем бы она ни была — не приведет ни к чему хорошему.

Сорочье гнездо

Среди ночи я проснулся, дрожа от холода. Одеяла съехали, и, когда я накрылся снова, комикс, который я читал перед сном, соскользнул с кровати и упал на ковер. Заметив под дверью спальни слабое пятно света, я повернулся. Лампа на лестнице была выключена, желтый свет просачивался с чердака, из комнаты Элис.

Я прислушался. Сначала не доносилось ни звука, потом я уловил тихий шелест бумаги. Элис все еще не спала.

Я вылез из кровати и незаметно вышел на лестничную площадку. Прямоугольный люк в потолке был открыт, с чердака спускалась складная лестница. Держась за перекладины, я стал взбираться по ней. Лестница чуть поскрипывала под моим весом.

Я просунул голову в комнату Элис. Сестра склонилась над столом, на котором лежали ее записи, на ней был пушистый халат, тапочки и синие перчатки без пальцев. Она опять напевала ту мелодию, снова и снова, прерываясь только на вдох. Я позвал ее, очень тихо, но она все равно подскочила.

— Мидж, — повернувшись, она потерла глаза, — почему ты не спишь?

— Я спал. Что-то меня разбудило. — Выбравшись из люка, я все еще стоял на коленках на толстом ковре. — А что за мелодию ты все время напеваешь? Ты сама ее придумала?

— Не совсем... Ну, вроде того.

— Вроде того?

— Ее сочинил один из моих персонажей. Это его мелодия, не моя.

Я ничего не сказал. Я привык к таким ответам. Чаще всего они мне очень даже нравились, но иногда, как сегодня, тревожили.

— Который час? — спросила она.

Я пожал плечами:

— Почему ты до сих пор не спишь?

— Не могу уснуть.

— Ты выглядишь так, будто тебе давно пора.

— Здесь, наверху, холодновато. — Элис подула на руки, встала и подошла к кровати, стиснув в руке тетрадь. — Давай укладываться.

Мы забрались в кровать, ее подушка у изголовья, а моя в ногах, как обычно.

— Ты забыла, — сказал я.

— Забыла что?

— Загадать загадку.

У нас с Элис была игра. Каждый раз, чтобы зайти друг к другу в комнату, требовалось разгадать загадку. Мы придумывали их и отгадывали часами, и я неплохо наловчился.

— Ну, ты ведь уже здесь, теперь вроде и не зачем.

— Все равно загадай.

Элис вздохнула.

— Хорошо, вот: в моем запасе не кончаются слова, моя острота известна всем, как и то, что я не люблю быть тупым. И все же я никогда не скажу ни слова. Кто я?

— Ух. Это очень заковыристо. Словарь? Нет, не может быть. Хм... Дай подумать. — Я свернулся калачиком под одеялом, даже нос засунул под него.

Кончики ушей все равно зябли. На чердаке всегда стоял холод. Здесь не было отопления, как в остальном доме, только пара масляных обогревателей, которые не давали совсем замерзнуть. Но Элис никогда не жаловалась; она любила свою чердачную каморку. А я, наверное, еще больше.

О человеке многое можно рассказать по его комнате.

Элис всегда говорила, что писатели — как сороки блестящее — тащат к себе все приглянувшиеся им идеи. Вот и у Элис комната была гнездом. Битком набитая всякой всячиной, кото-

рая обычному человеку показалась бы совершенно бесполезной, как простая деревянная бусина. Но Элис умела нанизывать деревянные бусины на одну нить, превращая их в драгоценное ожерелье.

Над ее столом была, как она ее называла, «стена вдохновения». Сюда она прикрепляла самое разное: газетные статьи, открытки, фотографии. Все, что когда-нибудь может натолкнуть на идею сюжета. Тетради складывались аккуратными стопками или валялись по всему столу. Это зависело от того, как шла работа: чем больше беспорядка, тем лучше. Элис сначала писала от руки, а потом уже переносила написанное в ноутбук, занимавший на столе почетное место. Рядом с ним стояла старая пишущая машинка «Вудсток», которую папа нашел на барахолке всего за несколько фунтов. Веса она, наверное, больше, чем стол, и клавиши с буквой «А» не хватало, но Элис считала, что это лучший подарок на свете.

В углу стоял столик поменьше, с чайником, чашками и открытой упаковкой долго хранящегося молока. Использованные чайные пакетики громоздились в лужице на блюде, впрочем, это смотрелось вполне уютно, ничего неряшливого. Крана здесь не было, но Элис не спустилась в кухню, а наливала чайник в ванной на моем этаже.

Вдоль стен выстроились книги, между ними, где хватало места, — всякие затейливые штучки:

старый ключ, вставленная в рамку открытка с оленем, украшенная разноцветными стеклышками лягушка с секретным механизмом — нажмешь, и у нее открывается рот, а там тайничок, где можно спрятать что-нибудь ценное или важное. Элис всегда любила разные безделушки, они будили воображение и вдохновляли ее. Даже лоскутное одеяло казалось волшебным. Так и в сказках — чего только не было: хрустальная туфелька, прялка, часы, бьющие полночь. В сказках, которые Элис рассказывала мне, когда я был маленьким, в сказках, на которых выросли почти все.

Пусто в комнате было только на полу. Мама строго-настрого велела Элис не оставлять на полу ничего. Вообще ничего. Ни книг, ни крошек от печенья.

Правило было введено через несколько недель после того, как Элис перебралась в чердачную комнату. Она споткнулась о чашку с остывшим чаем, оставленную у кровати. Чашка полетела в люк, и Элис чуть не рухнула туда же. Мама пригрозила запереть чердак и снова водворить ее в одну комнату со мной, если правило хоть раз будет нарушено.

Я услышал, как Элис что-то написала в тетради, вздохнула и снова перечеркнула написанное.

— Тебе бы поспать, — мой голос из-под одеяла звучал приглушенно. Я согрелся, глаза уже закрывались.